

Вячеслав Ядаганов

Ядаганов Вячеслав Алексеевич родился в Улаганском районе Горного Алтая. Окончил институт им. И.И. Ползунова (Барнаул) по специальности «Промышленное и гражданское строительство». Работал в строительных учреждениях, органах государственной власти. В 2019–2021 гг. выпустил четыре книжки: повесть, рассказы, стихи. Печатался в журнале «Сибирские Огни», газетах и журналах Горного Алтая. Лауреат Новосибирского областного конкурса им А.П. Чехова «Краткий слог» в номинациях «Стихи» и «Проза» (2021г.). Живёт в Новосибирске.

Последний урок

Татьяна Ивановна проснулась рано. Впрочем, как и всегда. Первым делом она брала ведёрко и шла к реке. Река была недалеко от её дома. Чуть-чуть пройти за оградкой – и вниз по тропинке. Она вспомнила, как в молодые годы она чуть ли не бежала к речке, не замечая неровностей тропинки. Да ещё размахивая руками, в одной руке коромысло, а в другой – два ведра. А теперь у неё было только одно маленькое ведёрко, она внимательно всматривалась, нет ли на тропинке камешка, углубления или веточек, или ещё чего, принесённого ветром. Осторожно ступая ногами, чтобы не упасть, она доходила до речки, набирала воды полведра и также осторожно возвращалась обратно. Сегодня она постояла около реки. Река

была небольшая, пацаны запросто переплывали её; летом река тёплая, женщины, забредая по колено в воду, полоскали бельё.

Сегодня было 25 мая, скоро вода в реке потеплеет, и с утра до ночи оттуда будет доноситься весёлый шум барахтающихся ребятишек. Татьяна Ивановна стояла, вспоминала. Всё было так, как и много-много лет назад. И река, и лес за рекой. Это была её родная деревня. Она здесь родилась, правда, не в этом доме, а чуть подальше. Но дома того, в котором она выросла, уже не было, он обветшал, состарился, и его снесли. Это случилось, когда она, закончив педучилище, по направлению уехала работать в соседний район. Родители переехали в другой дом. Она работала учительницей начальных классов. Выпустив три выпуска по четыре класса, она снова приехала к родителям. Вернее, к маме и брату. Отца уже не было, умер. Брат так и жил один, не женился, подрабатывал на стройке. Через несколько лет умер и брат, тяжёлая физическая работа, чередующаяся с периодическими обмываниями хороших строительных заказов, не удлиняют человеческую жизнь. Татьяна Ивановна вернулась в ту же школу, где она сама начинала учиться и окончила четыре класса, но уже учителем. Встречала первоклашек, а через четыре года их провожала. Снова брала первоклашек, снова провожала, через четыре года. И так ... сколько раз... она принялась считать, сбилась, снова начала сначала, снова сбилась, потом махнула рукой, прекратила это занятие. Подняла ведро, набрав воды, и пошла домой. Шла она медленно; хотя воды и было немного в ведре, она несла его с трудом, несколько раз останавливалась, чтобы передохнуть, ставила ведро на землю, вытирала пот со лба, смотрела на реку, горы вдалеке, деревню. Да, мало что изменилось с тех пор, когда она сама была маленькой. Деревня не очень-то и выросла, только прибавилось несколько новых домов. А всё вокруг: лес, горы, река – такое же, ничего

не изменилось. Только сама она постарела. Жизнь пролетела быстро, а в детстве казалось...

Она вспомнила, как в пожилые годы свои ходила её мама, переваливаясь с ноги на ногу, тяжело их переставляя. Поймала себя на мысли, что и она теперь стала ходить так же. Оставшись вдвоём с мамой, когда умер брат, Татьяна Ивановна ухаживала за мамой. Сходит на работу, отведёт уроки, и скорее обратно, домой, к маме. Ей нравилось ухаживать за ней, обстирывать её, готовить нехитрые каши, водить в баню, мыть её...

Своих детей у неё не было, и, может быть, тот нерастраченный запас тепла, ласки и добра, который есть у каждой женщины, предназначенный для своих детей, она отдавала матери. А детей у неё не было, потому что замужем она толком и не была. Когда работала, в первые годы после распределения в другом селе, все её подружки в первый же год повыскакивали замуж, и только она отбивалась от местных парней. Не сказать, что они и плохими-то были, просто ей нужно было готовиться к урокам: проверять тетради, писать планы и прочее. В общем, было не до них. Но года через четыре появился всё-таки у неё в доме парень. Стали они вместе жить, она собиралась летом к родителям его свозить, познакомиться. Но оказалось, этот парень общался уже, до неё, с одной девушкой, местной, потом они разругались. А когда он стал с Татьяной жить, этой девушке мира с парнем захотелось, она два раза даже к ним домой приходила, скандалила. Татьяна этого парня выставила, и с тех пор она не допускала, чтобы мужские ноги дальше порога её дома проходили.

Вскипятив воду в чайнике, она выпила чашку чая с печеньем, стала собираться на работу. Поймала себя на мысли, что волнуется. Да и как не волноваться. Она вспомнила, как она готовилась к своему первому уроку. Как полночи не спала,

очень рано встала, несколько раз проверяла в сумке, всё ли положила, и пришла в школу за час до занятий. И сегодня она так же волновалась. Но сегодня волнение было по другому поводу. Сегодня она пойдёт на свой последний урок.

Ещё полгода назад приезжало начальство из района, чиновники сказали, что школа в их деревне закрывается. Детей будут возить в район. Невыгодно содержать отдельную школу для нескольких ребятешек. Что ж, начальству видней, Татьяна Ивановна и не возражала. Да и что её возражения, кто бы её спрашивал. Она только сказала, что и нашей деревне, видимо, приходит конец, не будет школы, не станет и деревни. Всем известно, что за последние годы как-то незаметно соседние две маленькие деревни исчезли. Школ там не было, дети сюда ходили в школу. Работница районо интересовалась:

– Что будете теперь, Татьяна Ивановна, делать?

Она ответила: «Да как-то неожиданно. А что, предложения есть?»

– Да заврайоно просила передать, что может подобрать вам работу в другом месте. Вы уже сорок девять лет в школе работаете. Ещё год, и пятьдесят будет. Как-то отметили бы эту дату, на районном уровне. Подумаете?

– А я и не считала, сколько работаю. Знаю, что много. Нет, ребята, и думать не буду. Никуда я не поеду. Устала я. Да и мать у меня, старая и больная, совсем слегла. Да и какая разница, сорок девять лет, или пятьдесят. Как-то не до юбилеев в наше время. Спасибо, конечно, за предложение.

Поначалу как-то беспокойно было у неё на душе, что она не будет больше работать, но потом всё успокоилось, она смирилась с мыслью, что этот учебный год будет у неё последним.

Мама ещё спала, Татьяна Ивановна не стала её будить. Тихо закрыла за собой дверь и вышла на улицу. До школы было недалеко, всего лишь через несколько домов, в середине

единственной улицы. Через дорогу, напротив школы, был магазин, тоже единственный. Это было самое многолюдное место, хотя всё относительно. Многолюдно – это человек пять-шесть на улице. Да пара машин. Но сегодня около магазина машин не было, только три мужика с унылыми лицами сидели на завалинке, курили и о чём-то разговаривали. Может, о вчерашнем дне, а может, о перспективах на сегодняшний. Хотя было ясно, о каких перспективах может идти речь у этой троицы, сидящей утром на завалинке магазина.

Татьяна Ивановна нашла ключ в условленном месте, между брёвен, стала открывать большой висячий замок. Ключ она оставляла, потому что вечером приходила Маша, уборщица. Школа представляла собой небольшой домик.

Внутри был коридор, и по одной комнате с каждой стороны коридора. В конце коридора была печь, которую зимой топила Маша. Но сейчас, как говорят, отопительный сезон был закончен, хотя в прохладные дни печка протапливалась.

Раньше, когда ещё Татьяна Ивановна училась здесь, обе комнаты были заняты под кабинеты, детей было много, даже учителей было несколько, а теперь и учитель был один, и кабинет под класс был только один, а второй превратился в учительскую, склад для дров, школьных принадлежностей и каптёрку уборщицы Маши одновременно.

Татьяна Ивановна зашла в кабинет, прошла к своему столу и стала раскладывать на столе бумаги, нужные для проведения урока. Но урока как такового не будет. Вернее, урок будет, но это не будет касаться ни математики, ни русского, ни других предметов. Да и на столе лежали только личные дела учеников, с оценками за каждый учебный год, с первого по четвёртый классы. Семь личных дел. Столько учеников было у Татьяны Ивановны. Она вручит им всем их документы, пожелает хорошей учёбы... Она прошла между партами,

оглядела свой кабинет. Известные писатели и поэты смотрели из пожелтевших картин, висящих на одной стене, на второй висели плакаты, нужные для проведения различных уроков, на третьей стене были два окна, а на четвёртой – доска, рядом с доской большая карта мира. Потрёпанная и обветшала, как и всё в этой школе. И вот сегодня заканчивается жизнь у этой школы. Последние ученики заберут свои личные дела, не очень внимательно выслушав Татьяну Ивановну, разбегутся по своим домам; кое-что нужное из школы увезут в другие школы, а здание снесут, а может, кто и заберёт, выбросит сгнившие бревна и построит временку или помещение для скотины, а то и на дрова пустит.

За окном, около магазина, тех мужиков уже не было, но стояла какая-то машина. Дверь магазина открылась, появилась знакомая тройца, теперь уже с весёлыми лицами, быстро направилась мимо школы. Татьяна Ивановна их всех знала, один даже был её учеником, в последнее время только около магазина и увидишь его. В своё время был хорошим плотником. Звали его Михаил, Костин Михаил. Миша, когда учился, был способным мальчиком, но к учёбе относился прохладно: прогуливал, не всегда выполнял домашние задания, на уроках был рассеян, отвлекался. Несколько раз Татьяна Ивановна ходила к ним домой, разговаривала с родителями. Мать Миши была маленькой и щуплой женщиной. Она, молча, выслушивала учительницу, ничего не говорила. А отец вообще участия в таких разговорах не принимал, уходил на улицу. Почувствовав, что толку от таких посещений нет, Татьяна Ивановна к ним ходить перестала. А Миша кое-как окончил восемь классов, учиться никуда не пошёл, начал работать. В основном, на стройке. Долгое время жил в другом селе, женился, но потом развёлся, приехал снова к родителям. Детей не было. Теперь, когда родители померли, он один жил

в родительском доме. Миша был единственным ребёнком в семье. Татьяна Ивановна часто видела его около магазина, иногда встречались, хотя было видно, что он старался не попадаться на глаза своей бывшей учительницы.

Открылась дверь в школу, в коридоре слышались голоса. В класс зашли женщина и девочка. Это была одна из лучших учениц, Настя, с мамой; они поздоровались. Молодая женщина, её звали Екатерина, поставила на стол небольшой пакет.

– Сметаны вам принесла, баночку. Свеженького. Как тётя Люда-то?

– Да не нужно было, Екатерина Павловна. Но спасибо. Да ничего мама. Иногда выходит погулять. А так, всё время в кровати.

– Передавайте привет от нас. Здоровья ей!

– Передам обязательно. Спасибо.

– Ой, Татьяна Ивановна, как теперь будет-то, без школы?

– Женщина прошла к задним рядам, села за парту. – В Листвянке у нас родственников нет, придётся им на автобусе каждый день ездить. Ведь у нас Пашка уже подросток, в первый класс пойдёт.

– Уже нынче в школу? – удивилась Татьяна Ивановна. – Как быстро он у вас вырос.

– Да уже пора, скоро семь будет. Мы и рассчитывали: вот, Татьяна Ивановна отучит Настю, отправит в пятый, и примет Пашку в первый класс. А оно – вон как повернулось. А вы сейчас куда?

– Да, такие дела. А я всё, отдыхать буду. Я своё отработала. Буду рядом с мамой.

– Понятно. И школу жалко, да и к вам мы привыкли. Чуть что, в школу. То за помощью, если мероприятие какое намечается, а то просто, за советом. А теперь...

– Да ничего, Екатерина Павловна, образуется. Всё будет нормально, не переживайте.

– Хорошо бы.

Снова слышались голоса в коридоре, в классе появилось сразу трое ребятшек, две девочки и мальчик. Прервав свой оживлённый разговор, они поздоровались. Татьяна Ивановна их поприветствовала.

– Проходите, садитесь.

Потом появилась ещё одна женщина. В руках она держала букет цветов. Подошла к Татьяне Ивановне, вручила цветы, обняла её. Она начала говорить, но голос её дрожал:

– Но как так? Вот, вроде бы радостное событие, Танька школу начальную окончила, а я иду, чуть не плачу. И Верка моя, старшая, у вас училась, и Танька вот. Ваньке три года, даже не думала, что когда он в школу пойдёт, школы в деревне не будет.

– Успокойтесь, Галина Ивановна, садитесь. А где Таня-то?

А у женщины уже появились слёзы, она всхлипнула, ответила: «Да на улице, подружку ждёт, Машку, сейчас зайдут они». Прошла, села рядом с Екатериной.

– Катя, как мы школу-то не отстояли, а?

Та ответила: «Да, не смогли, и в район ездили. Кто нас послушает».

В класс зашли ещё две девочки. Татьяна Ивановна усадила их, окинула взглядом класс: «Так, ребята, кого ещё нет? Нет Володи Рябцева». Мальчик со второй парты поднял руку. Учительница спросила: «Что, Серёжа?».

– Володька просил его бумаги мне забрать. А сам в город поехал, с отцом.

– Что-то случилось?

– Да нет, отец за товаром поехал, и Серёжка с ним напросился. Город посмотреть.

– Город? – Татьяна Ивановна пододвинула к себе личные дела учеников. – Город, это хорошо. Только его личное дело я тебе отдать не могу. Пусть сам ко мне придёт, его личное дело я домой заберу. Мне нужно с каждым учеником поговорить. Так ему и передай.

Отец Володи – Рябцев Тимофей, был хозяином единственного сельского магазина, имел пасеку, держал скотину и считался зажиточным. Многие односельчане подрабатывали у него: на заготовке сена, строительных работах, да мало ли в хозяйстве какие работы не нуждаются в рабочих руках. Рассчитывался Тимофей продуктами из магазина, иногда и деньгами, кому очень нужно.

Татьяна Ивановна встала, взяла в руки первое личное дело: – Ну что, ребята, вот и закончился ваш и этот учебный год. Он завершает вашу учёбу в начальной школе. Четыре года вы проучились в этой школе, вы повзрослели, преодолели первую ступеньку в своей жизни. Дальше будет сложнее. В пятом классе у вас будут разные учителя, на каждый предмет свой учитель, в первое время вам будет трудно к этому привыкнуть. И самое сложное, вы будете учиться в другой школе, в другом селе, в райцентре, вдали от родителей, кто-то будет жить у знакомых или родственников, вы попадёте в другой коллектив. У вас появятся новые друзья, но, надеюсь, и сегодняшних одноклассников вы не будете забывать. Но, а теперь по списку. Архипова Таня. Таня неплохо окончила учебный год. Но немного хромает у неё математика. Галина Ивановна, летом уделяйте время, проследите, чтобы Таня повторяла правила. Таня, вот тебе личное дело, здесь все твои оценки за четыре года, есть благодарности от школы и районо. Успехов тебе в другой школе. Идём дальше. Серёжа Малышев. Серёжа, я бы посоветовала тебе ходить на какие-нибудь

спортивные кружки, или секции, как они там называются. Думаю, из тебя выйдет хороший спортсмен.

Послышалось, что открылась наружная дверь, раздался громкий мужской голос, шаги по коридору, и в дверях кабинета появился мужчина. Лет сорока. Он был выпивши, длинные грязные волосы комками свисали на засаленный воротник расстёгнутой рабочей куртки, лицо его было заросшее щетиной, а полупьяные глаза смотрели недобро. Это был Костин Михаил.

Татьяна Ивановна удивлённо посмотрела на него. То, что он был в таком виде, имеется в виду, что в не очень трезвом, неудивительно. Это его не редкое состояние. Но он никогда не появлялся в таком виде в школе. Вообще ни в каком виде. Прошло много лет, как он отучился в этой школе, но Татьяна Ивановна не помнила, чтобы он хоть раз появился здесь. Детей он не имел, да и других причин, чтобы ему здесь появиться, не было.

Татьяна Ивановна спросила:

– Здравствуй, Михаил. Что-то хотел?

Но мужчина ничего не ответил, пошатнулся, оглядел присутствующих, прошёл вдоль стен, посмотрел на плакаты, подошёл к доске, посмотрел на карту, стал что-то там искать, потом махнул рукой. Посмотрел на Татьяну Ивановну.

– А что, нельзя? И в родную школу заглянуть нельзя?

– Но у нас урок идёт. Тебе что-то нужно?

– Урок? – Михаил подошёл к столу учительницы, рассмотрел содержимое на столе. Взял из пакета банку со сметаной, повертел в руках, поставил на место. – Но я не вижу подготовки к уроку. Где учебники, где планы? А, Татьяна Ивановна? Или за эти годы вы так наловчились, что и к урокам не надо готовиться? И так сойдёт, деревня всё проглотит? Вы им пятёрки, они вам сметанку?

– Ты чего себе позволяешь, Мишка? – закричала Екатерина Павловна. – Пошёл отсюда, пьяница!

– А ты не ори! – Михаил махнул рукой на женщину. – Да, я пьяница. Но кто им меня сделал, Катька? Не ты ли?

– Татьяна Ивановна, что слушать этого дурака. Сейчас я его вышвырну, – Екатерина Павловна стала приподниматься из-за парты.

Но Татьяна Ивановна сделала ей знак: не вставать, выдвинула стул, показала Михаилу на него: «Хорошо, Миша, вернее, Михаил Павлович, кажется, будешь. Проходи, проведи урок. Вижу, ты к нему хорошо подготовился». А сама прошла к последней парте, села.

Михаил подошёл к столу, задвинул стул на место, неровными шагами подошёл к доске, взял указку, повертел в руках. Повернулся к сидящим.

– Вы все врёте. А первая врунья вы, Татьяна Ивановна.

– Татьяна Ивановна, может, детей отпустим? – Галина повернулась к учительнице. – Им-то, зачем эту дребедень слушать?

Но Татьяна Ивановна сказала: «Но почему? Пусть слушают. Они уже взрослые, думаю, такой урок им тоже будет полезен».

А Михаил продолжал: «Вы на уроках ввали, что лет через тридцать мы будем приходить в магазин, и будем брать всё, что нам нужно, без денег. Через тридцать лет я прихожу в магазин, но у меня нет денег. И мне ничего не дают. Вы ввали, что когда мы окончим школу, у нас будет возможность работать где угодно, но сегодня я не могу найти работу, её нет. Я чищу свинарники у Тимофея Рябцева, но он не даёт деньги, я могу взять в его магазине водкой».

– А ты не бери водкой, ты едой бери.

– Ты помолчала бы, Катька. Ты обозвала меня пьяницей. Но ты делаешь и меня, и других парней, что моложе, пья-

ницами. Скоро снова сенокос. И ты снова позовёшь нас, и снова будешь поить нас палёной водкой. Нет, чтоб деньгами. Все знают, что тебе привозят спирт, а ты его разливаешь и вечерами продаёшь. Все знают, и Татьяна Ивановна знает. У тебя берут, потому что дешевле, чем в магазине.

– Нет, Миша, я сейчас тебя поколочу, – вскипает Екатерина.

– Что, правду неприятно слушать? У тебя дочка растёт. В школе её учат не обманывать, а ты её вечерами учишь бутылки закатывать, чтоб народ спаивать. Или не так, Настя? Что голову опустила?

– Ты бы прекратил, Михаил, всякую чушь молоть, при детях, – сказала Галина.

– А это нужно разобраться, кто что мелет. Школу вашу закрывают, а ты, Галка, при людях одно говоришь, а инспектору районо что говорила? Муж твой хвастался. В районе учиться детям лучше будет, ты говорила, совсем наша учительница старая стала, пора на покой.

– Нет, видите, что человек говорит, совсем от пьянок дураком стал, – посмотрела Галина на учительницу. Но Татьяна Ивановна была спокойна.

А Михаил продолжал: «Я, может, и дурак. Но правду говорю. А вы умные. Знаете, где что сказать. Правду припрятать, когда надо, и приврать, когда вам выгодно. А я дурак, да. Потому что батрачу на людей за копейки, и никогда не требую того, что стоит работа. Просто спаивают. Дурак, потому что пошёл против начальства, когда работал на стройке, и меня быстро турнули. Дурак, потому что на последние деньги я покупаю самопалку у Катьки. Дурак, потому что где бы я ни работал, не тащил со стройки что ни попадя, не строил себе хоромы. И жена от меня ушла, тоже так и сказала. Что люди живут, как люди, а ты – дурак. А я не хотел, как люди, и не хочу. Хочу по совести. По правде. Но не получается. А

у вас всё получается. У Катьки людей травить получается, и у дочки её, Насти, тоже получится. Молчи, Катька! А ты, Настя, слушай. И знай, когда тебя будут твои родители возить в новой машине, которую они купили месяц назад, эта машина стоит многих сломанных судеб парней. И ты, Галка, молчи! Все знают, как ты ни во что не ставишь мужа своего, Петьку, унижаешь его, друга моего. Как ты всё время едешь в город к этому... ладно, не буду, дети... А Татьяна Ивановна тоже хороша. Детей в школе учит, чтобы детей воспитывали, счастье в детях... А сама? Ни мужа, ни детей. Ведь до сих пор молва людская идёт, что она по молодости семью чуть не разбила, хотела чужого мужа отбить.

– Да что вы его слушаете?! – вскочила на ноги Галина. – Татьяна Ивановна, прекращайте этот ... это...

Но Татьяна Ивановна всё ещё, по крайней мере, на вид, была спокойна: «Сядьте, Галина Ивановна, урок ещё не закончен. Продолжайте, Михаил Павлович, продолжайте».

Но Михаил почему-то сразу сник, подошёл к столу, выдвинул стул, сел.

– Да, я дурак. Но я ещё и трус. Я сегодня был в магазине, у Тимохи Рябцева. Он собирался в город. И там был Володька, сын его. Он у вас учится. Он хотел сюда, в школу, а отец ему говорит, нет, в город поедем, полезнее будет, а что тебе эта старушка скажет. Толку, якобы, никакого от неё, от них только затраты. Мать, говорит, у твоей учительницы при смерти, помрёт, к кому, опять ко мне, Тимофею Рябцеву: с гробом помощи, с похоронами. Да и сама она уже на подходе...

Голос Михаила становился всё тише; где тот злой человек, когда он зашёл в класс. Он сидел, сторбившись, смотрел в одну точку. Помолчал, продолжил:

– А я ничего не смог сказать против. Я, как собачонка, смотрел на него ободряющим взглядом, хвостом бы повилял,

если бы он был у меня. Мне нужно было опохмелиться, а денег у меня не было. Трус... И в школу я зашёл, и грубить начал, чтобы меня вышвырнула Татьяна Ивановна, нагрубил. Но этого не произошло. И я вспомнил детство. К нам в дом пришла Татьяна Ивановна. Учился я плохо, поэтому она и пришла. При ней меня родители стали ругать. Но Татьяна Ивановна заступилась за меня, почему-то стала меня хвалить. По-моему, никто меня больше в жизни и не хвалил...

Михаил приподнялся, медленно пошёл к выходу. Остановился, посмотрел на всех: «Прощайте. Я был в городе, в больнице. Болею давно. Мне осталось жить немного, может, месяц, может, два. У меня рак признали... И если сказал не то, не обижайтесь, что с меня взять: пьяница. Пьяница и трус...»

У Михаила появились слёзы. И он, не вытирая их, вышел из кабинета. Были слышны шаги, звук открывшейся двери, и стало тихо. Ещё некоторое время в кабинете стояла тишина, но потом люди потихоньку начали уходить. Сначала ребята, потом родители. Прощались, уходили.

И только Татьяна Ивановна так и сидела, смотрела в окно.

А на столе лежали несколько листочков, цветы и пакет. А в нём банка со сметаной...

